

18+

Дмитрий Чепиков

КОМНАТЫ СТРАХА

СБОРНИК МИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Дмитрий Чепиков

Комнаты страха

«Издательские решения»

Чепиков Д.

Комнаты страха / Д. Чепиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981772-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Страх. Вечный спутник человека от зари времён до
сегодняшнего дня. Формы страха неисчислимы, но его суть заключается
в одном. Люди боятся того, что находится за гранью их понимания.
Развитие технологий не избавило человека от страха. Технологии подарили
человечеству новые кошмары. Страх никуда не исчезнет! Он всегда будет с
человеком...

ISBN 978-5-44-981772-3

© Чепиков Д.
© Издательские решения

Содержание

Бабушка	6
Ползуны	12
Хомяк	21
Последний автобус	27
Бой на болоте	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Комнаты страха

Дмитрий Чепиков

Редактор Мария Егорова

Дизайнер обложки Валерия Дрыжак <https://www.artstation.com/mikotoshindou>

© Дмитрий Чепиков, 2020

© Валерия Дрыжак <https://www.artstation.com/mikotoshindou>, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-1772-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бабушка

Я обычный человек. Уверенный, что религия – опиум для народа, атеизм – это перебор, политика – грязь, а жизнь – бессмысленное существование белковых тел. Уверенный в том, как мне постоянно говорили, что бояться нужно только людей и их дурных помыслов. Ну и их производных: всякого рода дурмана и пороков. Что всё в жизни делается от нас, нами и никем кроме нас.

Уверенный до событий последней недели, когда на пороге моей квартиры появился странный, постоянно шмыгающий носом человек в клетчатом плаще. Я был не рад его появлению. После шести рабочих дней работы за напарника, который прохлаждался в отпуске, мой организм был уставшим и очень хотел спать. Но незнакомец был настойчив, раз за разом резко визжащий звонок разламывал на куски мою черепную коробку.

Шесть утра – яркими зелеными цифрами известили электронные часы советского образца. Раритет из тех, что ещё где-то моргают несгоревшими лампами в каком-нибудь захолустье. С зажмуренными от включенного света глазами я проследовал к входной двери и уставился в глазок. Там стоял невысокий, лысоватый мужчина лет пятидесяти и настойчиво тянул руку к кнопке моего звонка. Почему-то я открыл, не думая. Хотя обычно спрашиваю и смотрю. Даже участкового не пустил два раза, когда из-за громко играющей музыки ненормальная соседка-истеричка вызвала его. Не пустил, сделал музыку тише и сквозь дверь ответил, что нет ещё одиннадцати. А этому открыл без раздумий.

– Андрей Павлович, – представился он, нагло просачиваясь мимо меня на кухню, – Я к вам по делу. Вы ведь Киреев Максим Витальевич?

– Я Киреев, – ещё сонным голосом ответил я.

– Я по поручению вашей бабушки, Киреевой Нины Ивановны. Она просила передать вам бумаги на её дом, – он принялся к запахам от горы посуды на моем столе.

– Вы что-то путаете, как вас там, – раздраженно сказал я, мечтая быстрее спроводить незваного гостя, – Нет у меня никакой бабушки. У меня родители за границей, а бабка с дедом лет десять назад померли. До свидания.

– Всё верно. Вы, Максим Киреев, работаете рекламным агентом в «Топазе», – сказал он бесстрастным голосом, – А Нина Ивановна – ваша дальняя родственница из Брянской области.

– Может, угостите чаем, молодой человек? – сухо поинтересовался он.

– Молодой человек очень хочет спать! – вконец вывела меня из себя его нахальная просьба, – Приходите через часика четыре, и мы с вами поговорим о бабушках, дедушках и всех остальных.

Он как то странно посмотрел на меня и положил пухлый большой конверт на стол. Едва не свалив грязным рукавом своего плаща мою любимую фиолетовую чашку со вчерашним кофе.

– Распишитесь, что вам доставлено. Мне нельзя здесь задерживаться. Скоро рассветет ... – сказал гость и запнулся, словно подавился, вперившись взглядом в плакат-календарь с голой девицей на стене. Он протянул мне какую-то желтую квитанцию и ткнул худым пальцем в нижнюю строчку.

Я черкнул роспись и выпихнул его за дверь. Человек обернулся уже на полдороги к лифту. В его взгляде промелькнуло что-то звериное и мерзкое. Пospешив захлопнуть дверь, я пошел ставить чайник на плиту. Сон всё равно был испорчен неожиданным визитом. Открыл окно, и поток свежего прохладного утреннего воздуха окончательно меня взбодрил. В конверте обнаружился пакет документов по наследованию на моё имя и фото дома. По документам бабуля померла месяц назад. Странно, мне родители ничего про неё не говорили. Я повни-

мательнее рассмотрел фотографию. Крепкий небольшой дом, видимо очень старый, поверх обложен кирпичом. Покосившийся дощатый забор подперт в трех местах бревнами.

– «Так себе домик, но в пригороде. Значит можно неплохо продать. И купить, наконец, нормальную машину», – мелькнули у меня мысли, и настроение начало подниматься. Воображение уже рисовало мне, как я выбираю машину в автосалоне. Впереди был двухнедельный отпуск, и я решил, не откладывая, съездить посмотреть на дом и дать объявление в местных газетах. Замечтался. В себя меня привел засвистевший чайник, негодуяще выплёскивающий на плиту излишки воды.

Я решил выехать пораньше, пока прохладно. Через пару часов солнце будет уже довольно высоко, и я буду жариться в своем любимом автомобиле, как в микроволновке, а до места около трехсот километров. Наскоро попив кофе и быстренько сообразив с десятком бутербродов с вареной колбасой, составляющей мой основной рацион, я спустился к машине. Летнее солнце, пока ещё не жаркое ранним утром, приятным светом залило мой город. Пробок ещё не было, и я быстро выехал за город в направлении Брянска.

– «Сгоняю туда – посмотрю, может интересного чего в доме есть», – подумал я. Моя слабость к предметам старины была известна всем моим друзьям, то и дело притаскивавшим мне то старую керосиновую лампу, то растрепанную книгу или значок. Меня охватило предчувствие, что из поездки вернусь с неплохой добычей. Километров через пятьдесят заехал на заправку. Пока заправщик заливал мне бензин, обошел машину вокруг. Машина была старенькая и могла подкачать, но я как всегда надеялся, что не сегодня. Обнаружил полосы разьедавшей металл ржавчины на крыльях и дверцах. Только пару дней назад там было всего несколько пятнышек, а тут чуть ли не дыры образовались. Выругал мысленно отечественный автопром и выпил ещё кофе из автомата.

Через пару часов меня начало клонить в сон и я едва не задавил, проезжая через какую-то деревню, трехцветную кошку, кинувшуюся перебежать дорогу прямо у меня под колесами.

– «Каренина, блин!» – ругнулся я. Рыже-черно-белая кошка смерила меня презрительным взглядом. Вышел, покурил, чтоб успокоиться, и поехал дальше. К полудню, пару раз сбившись с дороги, кое-как добрался до нужной деревеньки. На въезде в селение отметил зеркало большого пруда и песчаный небольшой пляж на нем с парой деревянных домиков. Даже проезжая за добрых сотню метров, учуял аппетитный запах шашлыка тянущийся оттуда. Стало очень жарко, решил попозже сюда заехать – поесть и искупаться. До Брянска тридцать километров – подсказал мне дорожный знак.

– « Не совсем пригород, но недалеко», – подумал я, подъезжая к нужному двору.

Меня словно ждали. Из двора напротив, завидя незнакомую машину, приткнувшуюся у зеленого облезшего забора, вылезла старушка и направилась ко мне.

– А чего ей на пенсии ещё делать, как не в окно пялиться и посторонних выглядывать? – сказал я себе и, высунувшись из машины, вежливо поздоровался.

– Ты Максим? – скрипучим голосом спросила бабка, – Похож на Ивановну. Документ покажь.

– Киреев, – представился я и достал водительское удостоверение из-под солнцезащитного козырька. Она подозрительно на меня посмотрела и, выдав что-то типа «я щас за ключами, жди тут», ушла к себе во двор.

Как будто я мог куда-то уехать, проделав такой путь. Подошел к забору и сорвал несколько спелых вишен. Заглянул через забор, увидел заросший травой двор, пару сараев, пустую будку с цепью на проволоке...

– На ключи! – неожиданно возникшая у меня за спиной старушка заставила вздрогнуть от неожиданности.

– Я к вам вечером зайду, расскажете мне про соседку, или вы сюда заходите. Может, ночевать здесь останусь, – предложил я бабке.

– Не, не, – забормотала она, пятясь, – Сам, сынок, зайдешь, занесешь ключи. А ночевать можно у меня во времянке. Я тебя и покормлю. А тут не надо ночевать. Плохое тут место.

– Спасибо, бабуль, – поблагодарил я за предложение и подумал, что бабка совсем из ума выжила. Место ей плохое. Видимо, не дружила она с моей родственницей. Она ушла к себе, но я всё равно чувствовал её взгляд из окон. Зашел во двор, продрался сквозь бурьян к крыльцу. Со стороны собачьей будки что-то грюкнуло, и я пожалел, что не спросил о наличии обитателя. Мимолетного взгляда через плечо хватило, чтобы увидеть несущегося на меня большого черного косматого пса с оскаленной пастью. Пары секунд мне хватило, чтобы открыть замок и влететь на веранду с бешено колотившимся сердцем. Снаружи в дверь врезалось что-то тяжелое, зацарапало когтями... и всё стихло. Ни рычания, ни лая я не услышал. Ругал мысленно бабку, что не предупредила о собаке, да ещё непривязанной. Прошел по узкому коридору в дом, отметив завешенные зеркала и иконы. На шкафу увидел старую керосиновую лампу с запыленной колбой.

– «Вот это находка», – радостно подумал я, вмиг забыв о происшествии с собакой. Пополнение коллекции моих раритетов всегда поднимало мне настроение. Окна выходили сразу на улицу, через коротенький палисадник с засохшей малиной и потемневшими старыми яблонями. Миновать собаку можно было, выпрыгнув в окно. С этой мыслью, успокоившись, продолжил осмотр комнат. Со старых пожелтевших фотографий на стене на меня смотрели, видимо, несколько моих родственников. Среди них какой-то парень с георгиевскими крестами. Удивился, как сильно он похож на меня. Те же черты лица, надбровные дуги и почти такая же короткая стрижка. Даже пошел, посмотрел на себя в зеркало, сдернув с него какую-то грязную тряпку. Ну, точно похож! Один в один! Снял фото со стены посмотреть обратную сторону выцветшей фотографии.

– «Киреев Максим Викторович, 1888 -1914», – прочитал я на обороте.

Двадцать шесть, как мне сейчас, посчитал я, и что-то во мне екнуло.

– «Хорошо, не полный тезка», – подумалось почему-то. Липкий мерзкий холодок пополз по моей спине. Хотя это не удивляло – в доме, несмотря на летнюю жару, было довольно прохладно.

Откуда-то тянуло сквозняком, я чувствовал его неровные порывы взмокшей кожей спины. За старым бежевым буфетом нашел забитую дверь в кладовку. Попытался вспомнить план дома из принесенного мне конверта. Вроде бы, не было там кладовки. Попытка выломать дверь, забитую наискось гвоздями, успехом не увенчалась. Нашел на веранде гвоздодер и вытащил большую часть гвоздей, предвкушая богатую добычу... Вдруг у бабули какая-нибудь швейная машинка «Зингер» там завалилась или ещё что-нибудь ценное.

Давненько я не занимался физическим трудом. Вытаскивая наверно двадцатый гвоздь, совсем выбился из сил, как будто каждый из них цеплялся за дерево и был загнут с обратной стороны. Устал и завалился на диван с матерчатой обивкой, прихватив фотоальбом со старыми фотографиями. Облокотившись на подушку, переворачивал страницу за страницей, разглядывая бесстрастные лица людей прошлого века. Никто из них не улыбался. Принято так было, наверное. Нашел фотографию своего молодого деда, в обнимку с бабушкой, в доме которой я находился.

– Почему мне дед про неё никогда не рассказывал? – задумался я, переворачивая очередную страницу. Фото на следующей странице заставило меня чуть ли не подпрыгнуть на диване. С ветхой фотографии на меня смотрел тот самый молодой офицер, так похожий на меня и... мой утренний гость в клетчатом плаще. На одной фотографии, рядом ...возле тех самых высохших яблонь в палисаднике. Только нет ни дома напротив, ни асфальтной дороги.

– Перегрелся. Поспать надо, – решил я. Есть уже не хотелось. Всё тело было каким-то вялым и неимоверно уставшим. С мыслью, что надо обязательно заняться своей физической формой, я и уснул. Под неё всегда хорошо засыпалось.

– Максим... – шепотом позвал меня чей-то голос над самым ухом, – Спасибо...

Я открыл глаза, видимо, голос мне приснился. За окном было уже темно, виднелись какие-то созвездия, названия которых я никогда не знал. Кроме Большой и Малой медведицы. Часов двенадцать проспал, вымотала неделя без выходных.

– «Зарабатывание денег бесследно не проходит для организма», – всегда внушала мне мама по телефону.

– Их отсутствие тоже, – обычно парировал я, и наш спор затягивался надолго.

– «Надо будет ей позвонить, когда вернусь в город», – решил я и, поднявшись с дивана, пошел включать свет. Выключатель пыхнул синей искрой, и я отдернул руку. Некачественная проводка – не очень хороший факт при продаже дома. Выключатели в остальных комнатах вообще не подали признаков жизни. Подсвечивая телефоном, я нашел керосиновую лампу. В ней что-то болталось, достав из кармана зажигалку, я поднес её к фитилю. Маленький язычок огня затрепетал, тускло освещая зал и темные проходы в другие комнаты. В таком свете развешанные по стенам фотографии смотрелись ещё неприятнее, в зеркала смотреть вообще не решался. Словно боялся увидеть там кого-то, кроме себя. Пошел зачем-то к той двери, из которой старательно вытаскивал днем гвозди. Наверно, я вытащил их все – потому что дверь была слегка приоткрыта, и оттуда пахло какой-то гнилью, мазутом и ещё непонятно чем. Покрепче сжав в одной руке гвоздодер и подсвечивая керосинкой в другой, я вошел в кладовку.

Ничего такого. Помещение два на два, деревянный ящик в углу и... клетчатый плащ. С выбеленной стены на меня смотрела большая фотография моей бабушки в какой-то странной мешкообразной одежде с непонятными витиеватыми символами на ней. Так и не дав себе ответа, почему фотография висит здесь, а не со всеми в зале, мне ужасно захотелось уехать и как можно быстрее. Керосинка и фотоальбом были достаточным трофеем для моей коллекции.

Но мне захотелось найти ещё что-нибудь. Я быстро вскрыл гвоздодером деревянный ящик, на дне которого увидел замотанный в старую тряпку какой-то предмет. Предчувствие, что добыча будет ценной, охватило меня. Я достал из тряпки бережно смазанный... пистолет Макарова и две обоймы. Тряпка пропитана чем-то коричневым, но это не смазка. Я отложил гвоздодер в сторону и подсветил дополнительно телефоном.

– Похоже на засохшую кровь, – пронзила ужасом мысль, а неровное пламя керосинки отбрасывало причудливые тени за моей спиной. Наступил ногой на что-то твердое. Деревянная крышка, ведущая в подпол. Полезть туда героизма мне не хватило. Пнул ногой звякнувшее металлическое кольцо на крышке. Удивился его отполированности, как будто им часто пользовались. Хлопнувшая дверь за моей спиной лишила меня остатков храбрости и желания дальнейших поисков. С лампой в одной руке и пистолетом в другой я стремглав понесся к выходу мимо кухни.

Поворачивать голову и смотреть туда не стоило. Лучше бы я пробежал мимо ровно по коридору. Но я посмотрел, и, наверное, буду жалеть об этом долго. Мой привычный мир рухнул. На веревке, подвешенной к потолку, висела моя бабушка, а на стуле, запрокинув разбитую голову навзничь, сидел мой утренний гость. Но это не было венцом происходящего. Бабушка повернулась на своей вытянутой шее и призывно протянула ко мне руки. Поднялся и мужчина с половиной головы со стула и пошел ко мне. По ним было видно, что с жизнью они расстались очень давно. Меня с головы до пят окатило ледяной волной ужаса. Темные склизкие пальцы со спадающими ногтями, тянувшиеся ко мне, были омерзительны, но веревка не давала телу бабушки приблизиться ко мне. А от мужчины с половиной головы и темным невидящим глазом стоило спасаться бегством, и немедленно. Я рванул на веранду к входной двери и уперся в неё. Она не открылась ни на сантиметр. Кто-то словно держал её с той стороны.

Паника охватила меня полностью, голова не работала, отказываясь воспринимать то, чего не должно быть, но в теле включился механизм самосохранения. Поднырнув под цепкую руку мертвеца и не обращая внимания ни на давящий на уши шепот, ни на открывающуюся крышку подпола, из-под которой начало выползать что-то ещё более отвратительное, я проскочил в зал. Выбежав в центр зала, я швырнул тяжелую тумбочку в переплет небольшого окна и под звон рассыпающегося стекла вывалился наружу, сильно порезав при этом плечо. Однако палисадник не был спасением, из окна дома потянулся черный дым с зеленоватыми искорками, обволок мне ноги и стал подниматься выше. Я хотел сделать хотя бы шаг, но вяз, словно в болоте.

– «Мы ждали тебя, Максим... Вернись к бабушке...», – холодный шепот проник в мою голову и позвал меня обратно в дом, полный зла.

К своему ужасу я ничего не мог поделать, мое тело само развернулось и зашагало в сторону входной двери. Черный пес, напугавший меня утром, молча стоял, поблескивая желтыми глазами. Если бы собака могла дьявольски улыбаться, то именно этим выражением можно было описать, как выглядела её клыкастая пасть. Меня спас сильный порыв свежего ветра, невесть откуда взявшийся и развеявший опутывающий меня дым. Голова вмиг прояснилась, и я пустился наутек. Я ещё никогда в жизни так не бегал. Вбежал во двор услышавшей шум соседки за какие-то пару секунд. Долго не мог отдышаться, пока она не плеснула мне в лицо холодной водой.

– Говорила же тебе, не ночуй там. Вот молодежь неслухмная ... – причитала надо мной бабка, – Тут, почитай, человек пять за последние лет десять пропало в деревне, и все тут на твою Нину грешат. И участковый пропал наш, Фёдор. Такой парень был замечательный! Говорила я ему не лезть в это – всё вокруг дома вашего ходил да вынюхивал.

Я молчал, переваривая то, что она говорила. Ключи от машины надежно лежали в моем кармане шорт. Все трофеи я оставил в доме, но сунуться туда за ними, ночью, одному, меня не могло заставить ничто.

– Она всё со своим Андреем сидела и с людьми не общалась. Его в магазин за продуктами посылала с Шариком, черный, здоровый такой, – продолжала она

– Видел Шарика, чуть не сгрыз меня, – буркнул я себе под нос.

– Да сдох он вместе с ней. Почтальонша пришла с пенсией, а она на веревке. У Палыча полбашки нет. Вот она орала-то, на другом конце деревни слышно было, – бабка неистово перекрестилась и перекрестила на всякий случай меня.

– Значит, померещилось, – сказал я, чтоб совсем не выглядеть сумасшедшим.

– Видать от того, что я тебе наговорила, – впервые улыбнулась старушка, – Завтра вместе сходим, поглядим.

– Без меня, уже светает. Я поеду. Ключи в замке там. Я пришлю человека по продаже дома, – отказался я наотрез и вновь почувствовал, что что-то не так. Старушка жадным взглядом смотрела на стекающую кровь из глубокого пореза на моем плече. Её лицо стало странным, она словно принюхивалась к запаху крови.

– Да светает скоро. Посиди, я за бинтом схожу – не ходи никуда, – протянула она изменившимся голосом и отправилась из временки в дом.

На глаза мне попала квитанция по оплате за коммунальные платежи. Плательщиком значилась Киреева Вера Ивановна.

– «Ага. Буду сидеть и ждать!», – злорадно подумал я и совершил быструю пробежку к своей машине.

Удивительно, машина завелась мгновенно. Вырыв задними колесами ком травы и земли, я рванул подальше из этой проклятой деревни. Меня не удивляли отсутствие людей и грязный пруд с гадким запахом, вместо опрятного поселка и чистого песка с шашлыками. В одиноких покосившихся окнах старых домов поблескивали зеленые искорки в плотном черном дыму, отступающие перед лучами встающего солнца.

Начинался новый день. Но сколько бы их ни наступило, я сюда не вернусь. Чёрт с ними, с деньгами...

Ползуны

Небольшая компания пожилых любителей местного самогона и в кошмарном сне не могла представить, каким стремительным и трагическим образом закончится их предновогодняя попойка на свежем воздухе. Чудовищная смерть застала изрядно подвыпивших людей врасплох, и вряд ли кто-то из них успел сообразить, что вообще происходит. От самих погибших и вовсе осталось немного. Такое зрелище участковый Олег Степанов увидел впервые за немалый срок своей службы. То, что осталось от трёх взрослых людей, сейчас бы легко поместилось в обычную дорожную сумку.

Четвёртый год Степанов обеспечивал порядок в нескольких окрестных сёлах, после того, как из-за конфликта с начальством его перевели из райотдела в участковые. На службе, в начале лихих девяностых, ему пришлось пережить многое. Повидал и съехавших с катушек от алкоголизма мужиков, и наркоманов, впрыскивавших в исколотые вены несусветную химию собственного производства, и женщин, травивших собственных мужей за подозрение в неверности. Однажды страж закона даже получил заряд крупной дроби в плечо от беглого уголовника, прятавшегося на торфяниках за деревней. Но то, что он увидел сегодня...

Четвёртого из злосчастной компании, высокого бородатого старика в затёртом пальто, трясло мелкой дрожью, то ли от пробирающегося под одежду декабрьского мороза, то ли от пережитого двадцать минут назад. Исходя из того, что он увидел, возвратившись из ларька с бутылкой водки и закуской, старика нужно было сдавать в психиатрическую больницу или... Или туда же впору было отправить старшего лейтенанта Степанова. Ибо написать в отчёте, во что милиционер выпустил всю обойму из табельного «макарова», было очевидным сумасшествием.

– Пойдём отсюда, Олег Николаевич. Холодно, – свидетель нервно мял в руках синие шерстяные варежки и отводил взгляд в сторону от жутких останков своих собутыльников. Обезглавленная половина тела одного из погибших лежала на оторванной, начиная от бедра, ноге другой жертвы. Новенький серый валенок на окровавленной конечности смотрелся ужасно и вместе с тем как-то нелепо. От третьего пенсионера и вовсе остались только голова и куски изорванного кровавого тряпья. Остальные фрагменты тел было трудно определить ввиду их плачевного состояния. А дальше, за останками, лежало то, что поставило бы в тупик любого именитого эксперта-биолога...

На усыпанном кристалликами замёрзшей крови снегу растянулось трёхметровое тело существа, внешне напоминавшего гигантскую пиявку. Его тёмно-синяя плотная кожа была покрыта неравномерными участками жестких чёрных волосков и частыми выпирающими наростами коричневого цвета в форме полусфер. По всей верхней части «пиявки» торчал мощный гребень из загнутых назад шипов. Издали это существо можно было принять за обтянутую кожей с кусками шерсти трубу метрового диаметра.

– Скоро пойдём, – ответил участковый пенсионеру и присел на корточки, возле поверженного им монстра, пребывая в состоянии лёгкой прострации.

– «Ни дать, ни взять, Святой Георгий над побеждённым змием», – подумалось Степанову. Пять дырок от пуль пистолета «Макарова» обильно сочились сладковато пахнущей прозрачной жидкостью. Лёгкая вмятина от шестой пули на одном из наростов свидетельствовала о приличной броне существа. Такими наростами было покрыто сверху и сбоку почти всё тело

чудовища. Участковому крупно повезло, что большая часть выстрелов пришлась между защищенными участками.

А начиналось всё так... К сидевшему в кабинете с табличкой «Участковый оперуполномоченный» в сельском совете Олегу Степанову без стука ворвался пенсионер Истомин. Он, задыхаясь, протараторил, что его друзей «черти жрут». Первой мыслью у милиционера проскользнуло, что старик допился до этих самых «чертей». Но, глядя в круглые от ужаса глаза прошедшего войну пенсионера, он понял, что действительно произошло нечто серьёзное. Олег накинул куртку, закрыл свой кабинет в самом начале просторного коридора сельсовета и отправился с Истоминным на место происшествия.

К садику, где старики выпивали, они бежали чуть ли не наперегонки. Семидесятивосьмилетний дед не отставал от грузно топающего упитанного участкового. От сельсовета до места трагедии было метров четыреста неочищенной от снега просёлочной дороги. Быстрее выходило добраться пешком, чем заводить и прогревать старенький «уазик». Зимой дорогу здесь чистили редко. Всего в селе было двадцать дворов, сельсовет с расположенным позади него складом, да иногда работающий ларёк с водкой и всякой мелочёвкой. Забытое богом место почти в полусотне километров от райцентра, среди осушённых в прошлом десятилетии торфяных болот. До последнего дома на краю села оставалось шагов сорок, а сердце Степанова сжалось от недоброго предчувствия.

И оно его не обмануло. Никаких чертей, разумеется, не было. Но размётанные по снегу останки людей выглядели не менее шокирующе. Старик Истомин наверняка не мог всё это устроить. По крайней мере, в одиночку. Степанов выругался, тяжело дыша.

– Эти... Были тут. Богом клянусь, не я это! – прочитав немой вопрос в глазах участкового, взвыл пенсионер.

– Кто, эти? – уже спокойно спросил, отдышавшись Степанов. На небольшом деревянном столике в саду, по местной традиции расположенном со стороны улицы, лежал большой кухонный нож. Рядом с ним – полупустая бутылка с мутной жидкостью и заботливо нарезанная зелень. Опрокинутые стаканы валялись среди остатков разнесённой в щепки скамейки, а снег вокруг был изрыт, словно по нему таскали увесистые брёвна.

– Петрович! Может это были волки или медведь?

– Я что, не знаю, по-твоему, как зверьё выглядит? – обиженно нахмурился старик и часто задышал в рукавицу. Пробежка явно не пошла ему на пользу. Пенсионер надрывно закашлялся и полез в карман пальто за папиросами.

– Так Митрич говорил, что видел на прошлой неделе на торфяниках двух волков... – начал, было, Степанов и внезапно осёкся.

Есть мнение, что человек может чувствовать приближение угрозы, не видя и не слыша её. Это заложено в людей с первобытных времён. Наверное, так оборачивался какой-нибудь неандерталец и, не раздумывая, бил каменным топором приблизившуюся клыкастую смерть. Инстинкты...

Вытянувшееся белое лицо Истомина и тихо ссыпавшиеся с задрожавших кустов шапки снега заставили участкового обернуться и выпустить всю обойму в белый вихрь. За мгновение до этого Степанов почувствовал, как щёлкает у него в висках и страх тянет ледяной дорожкой по позвоночнику. Хорошо, что он не стал рассматривать, в кого стреляет. Это спасло жизнь обоим людям. Массивное тело, насквозь пробитое несколькими пулями, врезалось в ноги участковому. Мощный толчок усадил милиционера задом на снег. Существо рухнуло рядом, вытянулось в последней судороге, напоследок щёлкнув круглой, воронкообразной пастью, усаженной десятками рядов зубов, у самой ноги правоохранителя. Когда чудовище

перестало подергиваться, его рот, подчиняясь неведомой мышечной реакции, словно вернулся вовнутрь.

– Пойдём! – тащил за рукав куртки ошалевшего участкового Истомин. Милиционер, подобно истукану всё также сидел на снегу, мучительно соображая, кого или что он подстрелил. Он встал и снова присел возле монстра.

– Так, Петрович. От меня ни на шаг. Пойдём в район звонить, – через минуту страж правопорядка справился, наконец, с собой и поднялся.

Назад они шли молча, пока милиционер не решил уточнить.

– Сколько ты таких видел? – мрачно спросил он старика на пути к сельсовету.

– Да кто их знает! Я ж только из ларька. Водки ребятам нёс, а там – эти. Ползуны! Клубок целый! И рвут, и рвут! Мужики и вскрикнуть не успели! – Петрович оглянулся на свой дом, возле которого случилась трагедия.

– Ну, хотя бы примерно?

– Пять или шесть, может больше! И снег вокруг ходуном ходил! Я как увидел, сразу рванул к вам, понял, что ничем им не помогу.

– Ну и правильно. Хорошо, что ты один живёшь. И те два дома рядом пустые.

– Эх, мужиков жалко...

Дойдя до сельсовета, они обнаружили толпу человек из двадцати. Всех, кто не разъехался из села на праздники. Селяне, охочие до новостей, сбежались к зданию администрации, слышав звуки выстрелов. Участковый взглянул на них: бабки, старики, дети, несколько молодых девушек.

– «Как им сказать? Как объяснить? Паника же будет», – промелькнула мысль у Степанова.

– Уважаемые граждане! Расходимся по домам. Волки напали на мужиков, я стрелял, троих они погрызли. Скоро с района приедут, облаву будут делать. Всё-всё, разошлись! Не толпимся! – зычно выкрикивал он, ничего умнее не придумав. Ага. Толпа так и ринулась расходиться. Кто-то, конечно, побрёл домой, однако большинство рассудило, что рядом с вооруженной властью спокойнее. Посыпались вопросы: Кто? Что? Как?

Оставив разбираться с собравшимся народом выглянувшую с крыльца сельсовета главу администрации, Валентину, Степанов улизнул с Петровичем в свой кабинет. Налил дрожащими руками себе и старику горячего компота из термоса. Покрутил диск телефонного аппарата.

– Дежурный! Капитана Борина, быстро давай! Это Степанов из Нелюдовки звонит, – выговорил участковый на одном дыхании.

В трубке зашипело, затрещало, и через полминуты Степанов услышал знакомый бас капитана на фоне голосов повизгивающих девиц и отчётливого звона бутылок. Видимо в конторе уже начали отмечать праздник.

– Чего у тебя, Степанов? Поему доклад не по форме? – голос Борина был раздраженным и злым. Капитана отрывали от репетиции праздника и приятной компании.

Степанов коротко изложил суть, сам поражаясь своему ледяному спокойствию. В трубке немного помолчали, оценивая сказанное. Потом Борин разразился продолжительной тирадой.

– Лейтенант, какие к едреной матери ползуны?! Вы что, с местными там уже перепились? Три трупа? Какие тебе, нахрен, шесть бойцов с автоматами? Вышлю следователя Смирнова, криминалиста и Малыгина. За телами машина только завтра сможет приехать. Всё!

– Товарищ капитан, я думаю...

– Да мне плевать, что ты думаешь. Я тут думаю. Доложил и молодец, и то, если правду сказал! Точно трезвый?! Может тебе ещё танки с авиацией прислать? Смотри мне!

Связь оборвалась, знаменуя конец разговора. Участковый вздохнул, потом посмотрел на пенсионера, пьющего компот из розовой чашки с симпатичным синим слоником.

– Слышишь, Александр Петрович, у тебя же дома ружье есть. Ты тут у нас один, кроме меня, вооруженный.

– Есть ружье, – встрепенулся Истомин и понуро опустил голову, – Дома в сейфе, как положено. А там...

– Надо Петрович. Из района, дай бог, к ночи приедут, дороги заметённые сейчас. А у меня пара обойм всего осталось.

Милиционер посмотрел в запотевшее окно. Тяжелое зимнее небо ещё пару часов будет светлым, а что делать потом? Что будет в темноте? Может, ползуны больше не нападут? Может, испугались грохотов выстрелов и смерти сородича и больше не покажутся? А если нет? Трое погибли почти мгновенно от ужасных ран, не успев не то что убежать, а даже позвать на помощь...

Пока Степанова терзали тревожные мысли, старик допил компот, поставил чашку на полку и направился к выходу из сельсовета. Прикинув, что отпускать его одного домой нельзя, участковый поспешил догнать его. Попутно отдал приказ сельской главе, сумевшей всё-таки уговорить жителей разойтись по домам. Валентине, следовало обойти всех селян и сказать, чтобы заперлись и не высывались из домов. Когда Валентина снова начала расспрашивать, отмахнулся от неё, мол, потом расскажу.

– Петрович, мешки найди или покрывала. Прикроем мужиков твоих и этого, ползуна от любопытных глаз. Не то бабы увидят, визгу будет, – Степанов и Истомин с трудом шли, местами проваливаясь по колено. Зима в этом году была щедра на снег.

Старик кивнул. Степанов бросил беглый взгляд на село. Разбросанные по протяженной возвышенности одноэтажные небольшие домишки. Треть из них пусты, зияют чернотой разбитых окон. Между домами метров по двадцать, а то и больше. Окно в окно тут никогда и не жили с соседями. От жилища Истомина сквозь редко падающие хлопья снега виднелись затянутые туманом торфяные болота.

Туман? В двадцатиградусный мороз? Пенсионер, вышедший из дома с ворохом тряпок, патронташем и охотничьим ружьём, застал участкового в глубоком раздумье.

– Там, примерно месяц назад, детвора костры жгла. Гонял я их там, а кострища вглубь провалились. Может снизу горит до сих пор, – сказал старик и ткнул скрюченным пальцем в сторону дымки, стелющейся над болотами, – Думаете, оттуда зараза полезла?

– Не знаю, – тяжело вздохнул Степанов. Он отвернулся от Истомина и принялся укрывать останки принесённым тряпьем.

– А много-то народа в помощь приедет? – заподозрил неладное ветеран, – Нам в сорок втором на одной высоте помощь трое суток обещали. От роты, в итоге, пятеро бойцов осталось.

– Ну, Петрович, если ты на войне выжил, червяков этих и без подмоги разделаем. Пусть только сунутся, – нервно хохотнул милиционер, уходя от прямого ответа.

– Мне бы пулемёт, – мечтательно произнес пенсионер и с сожалением глянул на свою «вертикалку».

– Танк ещё скажи, – уже по-настоящему рассмеялся участковый и, вспомнив слова капитана Борина, вновь нахмурился, – Пойдём-ка в мой кабинет, штаб там устроим до прибытия ребят из отдела.

У двери кабинета участкового их встретила взволнованная старушка – жена одного из погибших мужиков. Двух остальных пока не хватились. У обоих имелись взрослые дети, живущие далеко отсюда, а жёны давно поумирали. Пришлось Степанову вести пожилую женщину в свой кабинет и, отпавшая остатками компота, выложить правду. Узнав о происшедшем, старушка тихо ойкнула и спрятала лицо в платке.

– Ты мне, Виктория Николаевна, только панику не разводи, прошу. Понимаю, что тяжело тебе. Но повторяю, запишись дома и сиди, пока я с Петровичем всех не обойду и не скажу, что можно выходить.

Проводив бабушку из своего кабинета, участковый взглянул на настенные часы. Латунные стрелки показывали ровно четыре часа дня. Через час стусятся сумерки, и на всё село четыре тусклых фонаря гореть будет. На остальных фонарных столбах даже ламп нет. Интересно, помнят ли про его сообщение в районе? Да нет, не должны забыть, три трупа – дело серьёзное. Вопрос в том, когда придут. Вряд ли, быстро. Время под Новый год, начальство выпивает. Трупы никуда не денутся, капитан уверен, что это нападение обычных зверей... Эх, лучше не думать. Остаётся надеяться, что помощь будет скоро.

– Можно к вам, Олег Алексеевич? – в кабинет Степанова осторожно заглянула глава села. Полная женщина предпенсионного возраста заметно нервничала.

– Я тут от людей вернулась и краем уха услышала... Это правда?

– Правда, – коротко ответил участковый, – Вы всех обошли?

– До Терёхиной далеко, я племянника послала. А у Пашковых вроде кто-то есть, но мне не открыли. Я в ворота постучала-постучала и ушла.

– Вы вот что, – встревожился Степанов, – Вроде дочка ваша с детьми в город собиралась.

– Ну да, завтра утром повезу их, – не поняла Валентина.

– Собирайте их прямо сейчас, сажайте в уазик и везите. Дело серьёзное.

– Как же я людей-то оставлю? – всплеснула руками женщина, – Мне же, если что, голову снимут.

– Вот и везите, чтоб с детей головы не сняли. И соседку заберите. Скажете, что моё указание. Нужны будете – позвоню, – рассердился милиционер.

– Не волнуйся, Валентина, мы присмотрим за людьми, – проворчал Истомин, – Делай, что участковый говорит.

Потрясенная женщина ушла, а Степанов и Петрович вышли прогреть машину. Уазик покряхтел и нехотя завёлся, постреливая выхлопом.

– Надо к Пашковым сходить, глянуть, что там у них, – Степанов нащупал в кармане последнюю обойму. Вторая давно перекочевала в пистолет. Милиционер пнул носком ботинка колесо машины, сбивая с диска приставшую наледь, – Ты Петрович тут оставайся. Я пойду.

– Вы же сказали, от вас – ни на шаг!

– Сейчас из района подъедут, расскажешь им всё ещё раз. Если я не успею, к тому времени вернуться. Всё, пошёл я.

Оставив вооруженного пенсионера рядом с тархтящим уазиком, Степанов двинулся к Пашковым. Он неспешно брёл в ту же сторону, где находился и дом Истомина, только Пашковы жили напротив, через дорогу. Тем временем к селу подступали вечерние сумерки. Проморгавшись, тускло зажглись одинокие фонарные столбы, в некоторых домах тоже появился свет в окошках. Участковый ускорил шаг, чтобы быстрее дойти до нужного дома, пока окончательно не стемнело.

Дойти до дома Пашковых стражу порядка не позволил истощенный женский крик из противоположного конца села, разнёсшийся на всю округу. Потом раздались крики со стороны сель-

совета. Степанов тихо ругнулся и побежал назад, на ходу выхватив ПМ. Милиционер бежал, с ужасом глядя, как в нескольких шагах от него вздымаются и осыпаются сугробы. Движение происходило и чуть дальше у колодца, и в других местах. Он издали увидел мечущихся в ужасе людей, бегущих, падающих, утаскиваемых в снежную темноту. Редкие фонари и слабый свет из домов освещали эту чудовищную, нереалистичную картину. Ползуны, казалось, были повсюду. Их тёмные тела ненадолго выныривали из снега и снова погружались в него, но уже вместе с бьющейся в панике добычей.

Олегу показалось, что он живёт в собственном кошмарном сне, вот только проснуться, никак не выходило. Он бежал, спотыкался и кричал людям, чтобы те собирались у сельсовета, в надежде их там защитить. Очередной ползун бесшумно вывалился из сугроба прямо ему под ноги, разевая усаженную зубами смертельную воронку. У этого существа, в отличие он убитого ранее Степановым, из головного сегмента отходили четыре крупных щупальца, толщиной в человеческую руку, покрытые блестящей чёрной кожей. Растопырив щупальца, монстр попытался опутать ими ногу Степанова, но получив несколько пуль, ползун зашипел и отступил, быстро зарываясь в глубокий снег. Впрочем, перед этим он подарил милиционеру полный ненависти взгляд всех шести расположенных по кругу, фосфоресцирующих синих глаз.

До здания сельсовета оставалась сотня метров. Туда же бежали все, кто смог избежать атаки чудовищ, проигнорировав указание Валентины сидеть, запершись своих в домах. Уазика на площадке возле сельсовета уже не было. Валентина, видимо, уже уехала вместе со своими племянниками и соседкой.

– «Хорошо», – подумал Степанов, отметив этот факт, – «На шесть человек в этом аду меньше».

Молодая девушка в белом свитере и джинсах выбежала из соседнего дома и тут же рухнула, как подкошенная, сбита с ног мощным ударом. Ползун вгрызся в упавшего человека, разбрызгивая вокруг кровь своей жертвы. Участковый выстрелил в монстра, правда, без особого успеха. Над местом, где находились ползун и его добыча, взметнулось снежное облако, скрывшее ненадолго происходящее там. Когда оно осело, на месте нападения остался только забрызганный кровью взрыхлённый снег.

Безумный бег к сельсовету. Два оглушительных выстрела донеслись оттуда. Петрович пригвоздил картечью к кирпичной стене гнавшегося за женщиной ползуна и спешно перезаряжал оружие. Ветеран действовал хладнокровно, не в пример, всем остальным. Кроме милиционера, пожалуй.

– Все в здание! Быстро! – заорал Степанов, – Быстро, мать вашу!

Крик участкового вместе с отборной матерщиной подействовал на людей быстрее, чем шипящие и движущиеся чудовища. Петрович и милиционер вбежали в сельсовет последними. За ними попытался втиснуться и особо шустрый ползун. Однако остатки обоймы из пистолета Степанова и ружейный выстрел старика разворотили голову монстра. Убитое чудовище ещё подёргивалось, его приголовные щупальца били, разрывая утопанный снег, когда на своего сородича набросились три таких же существа, разрывая его на части.

Петрович быстро захлопнул тяжелую металлическую дверь, не став разглядывать пиршество всеядных хищных тварей. Люди, внутри помещения, без сил повалились, кто на кресла, кто просто вдоль стен. На некоторое время они оказались в безопасности, кирпичные стены были достаточным препятствием для ползунов. Зарешечённые окна располагались достаточно высоко, да и чудовища не совершали высоких прыжков. Зато вдоль поверхности они двигались стремительно и атаковали с чудовищной силой. Стена сельсовета со стороны парковки вздрогнула от нескольких мощных ударов, но устояла.

Оглядев людей, Олег встал с пола. Не подобает ему расслаиваться, когда селяне на него смотрят. Он – их последняя защита и надежда. Ну и Истомин, конечно. Молодец, ветеран, что врагов на войне, что этих чудищ, бил без колебаний!

Степанов вставил последнюю обойму в «Макарова». Пересчитал оставшихся в живых людей. Вместе с Петровичем, осторожно следящим за улицей сквозь решетку окна, их было девять. Сам Степанов – десятый. Выходит, человек пятнадцать пропало. Может, кому-то повезло уехать до нападения. Пойди теперь, разберись.

Петрович с хозяйским видом порыскал по шкафам кабинета главы администрации, нашел несколько пачек печенья, бутылку дорогого коньяка и коробку шоколадных конфет. Старик раздал конфеты и печенье присутствующим, потом заботливо спрятал бутылку во внутренний карман пальто. Теперь было не до церемоний. Кроме участкового и ветерана в сельсовете укрылись одни женщины. Пять пожилых и три молодые. И все они вот-вот собирались зареветь и устроить истерику.

– «Не пойдёт так», – подумал Степанов.

– Так, граждане! Быстро поднимаемся и тащим сюда из подсобки обрезки досок, гвозди и инструмент. Заколачиваем окна, оставляем щели, чтобы ствол можно было просунуть.

Подход Степанова оказался верным. Занятые делом женщины, всхлипывая, принялись укреплять окна. Польза такой деятельности была сомнительной, но хотя бы они не паниковали.

– Во, команды отдаёт! Прямо генерал! – улыбнулся во весь рот Петрович. Он уже успел сделать несколько глотков найденного коньяка.

– А ты тоже хорош, вояка, – усмехнулся участковый, – Только валенок у тебя разодраный.

– Да гадость эта вцепилась в ногу, додыхала уже, а обувку испортила, – сконфуженно признался пенсионер.

Оба засмеялись. Через пятнадцать минут женщины закончили работу и обступили Степанова и Истомина, со страхом заглядывая им в глаза. И старые, и молодые.

– Идите, поспите немного. В кабинет секретаря и Валентины! Из здания не выходить, пока не разрешу! – скомандовал милиционер. Женщины, тихо переговариваясь между собой, ушли. С мужчинами осталась одна Татьяна, рыжеволосая худая девушка лет двадцати. В руке она сжимала небольшой топор, которым только что забивала гвозди.

– Тебе чего? – спросил участковый.

– Я с вами буду.

– Чего?!!!

– Я не хочу помереть как моя соседка... Беспомощно.

– Ладно, – сдался Степанов, – Будешь в случае чего, прикрывать Петровича, когда он перезаряжаться будет. Если твари сюда полезут.

Девушка согласно кивнула и плюхнулась на кресло, готовая в любую секунду вскочить.

Снаружи всё стихло. Только едва слышное шуршание ползунов под стенами сельсовета напоминало укрывшимся там людям о страшной компании. Ужасных криков с улицы тоже больше не доносилось. Степанов надеялся, что ещё кому-нибудь удалось укрыться в своих домах и хватит ума не высовываться из них. Прошло полтора часа томительного ожидания. Петрович отвёл участкового в сторону и тихонько спросил:

– Что с помощью?

– Не знаю, – честно признался Олег, – Телефон молчит, два раза уже проверил.

– Беееда, – сокрушённо протянул старик, – В селе ещё три телефона есть, но только как до них добраться?

– Приедут.

– А если нет? Сожрут же нас к чёртовой матери! – последние слова пенсионер произнёс громко, и придремавшая в кресле Татьяна открыла глаза, прислушиваясь к их разговору.

– Гудит что-то! – девушка подбежала к окну и в щель разглядела свет фар приближающегося к сельсовету по заснеженной дороге уазика, в простонародье называемом «буханкой». Татьяна тут же бросилась открывать дверь с таким энтузиазмом, что Степанов едва успел перехватить её безрассудный порыв.

– Стой, дура! Жить надоело? Петрович, оторви одну доску. Крикнем, предупредим группу!

Через десять секунд доска была оторвана, и участковый осторожно оглядел улицу. Света от близко расположенного фонаря и взошедшей луны вполне для этого хватало. Масса снеговых туч сместилась, открыв небо, богато покрытое звёздной россыпью. Олег, не отрываясь, следил за приближающейся машиной. Вот она свернула с дороги и подкатила к расчищенной площадке перед сельсоветом. Неприятное чувство охватило участкового. В окно он не наблюдал ни одного ползуна. Всё было замершим и тихим. Слишком тихим. Взрыхлённый снег не шевелился, но Олегу в каждом сугробе мерещилось притаившееся чудовище.

– Ребята! Оставайтесь в машине! Двери не открывайте! – заорал, что есть мочи Степанов.

– Не выходите! – крикнул и Петрович, почуяв нутром неладное.

Но было слишком поздно: первым из машины выбрался водитель. Размять спину, уставшую за время трудной дороги, и походить. Затем из боковой дверцы выпрыгнули две тёмные фигуры. Видимо, следователь и криминалист. В следующее мгновение снежные кучи вокруг площадки взорвались стремительными вытянутыми телами. Смерть закружила прибывших людей в последнем танце. Дважды грохнули выстрелы. Но ползуны уже не шарахались от вспышек и звуков стрельбы.

Только водитель сообразил, что единственное спасение – спрятаться в машине. Но было слишком поздно. В спину ему вгрызлись сразу две клыкастые пасти, выгрызая кости и втягивая в себя куски плоти словно мясорубка. Такого нечеловеческого крика Степанову ещё слышать не приходилось. В сплетение терзаемых человеческих тел и ползунов стрелять из окна было бессмысленно. Петрович охнул и сполз вдоль стены, схватившись за сердце. Татьяна рыдала на плече участкового. Шум очередного трагического события разбудил дремавших в соседних кабинетах женщин. Они снова были близки к панике, осознав, что сейчас произошло.

– Вот и помощь, – безразлично сказал Олег.

– Пришлют ещё, когда этих кинутся искать. Но вопрос – когда? – пробормотал старик.

– Думаю утром или через несколько часов. Вот же хитрые твари! – разъярился участковый, – И откуда эта напасть на нашу голову.

– Точно говорю, из торфяников, – в этот раз уверенно произнёс Петрович и прибил на место доску. Потом отложил в сторону молоток и прислушался, – Тише!

Работающий мотор «буханки» мерно тарахтел, но не это привлекло внимание Истомина. Стук. Едва слышный лёгкий стук. Шипение и снова стук. С обратной стороны сельсовета. Звук становился всё громче.

– Там же задний вход. Деревянная дверь со стороны склада, – помертвела Татьяна. Мужчины, не сговариваясь, бросились подпирать заднюю дверь в конце коридора всем, что нашлось под рукой. Хлипкая дверь уже ходила ходуном и с каждым мощным ударом немного отодвигалась. Громкое шипение известило осажденных, что основная масса ползунов собралась как раз за этой дверью. Монстры, разгоняясь, по очереди наносили удары в импровизированную бар-

рикаду. То, что они попадут внутрь, было делом времени. Причем довольно недолгого. И Степанов принял единственно верное решение.

– Женщины бегите к машине. Петрович, ты садись за руль и дуй в район. А я им тут устрою прикурить! – воспользовавшись недолгой передышкой, участковый подтащил к баррикаде полупустой газовый баллон из подсобки. Там стояло ещё два таких же. Олег подтащил и их, пока старик и Татьяна удерживали дверь. Большому количеству людей к нагромождению у задней двери было не подступиться.

– Только все разом! Дверь открыли и побежали в машину, не толпясь, без паники! – добавил Степанов.

Женщин долго уговаривать не пришлось. Они молча собрались у входной двери, приготовившись к короткому броску. Если на пути им попадётся один-два ползуна, то шансы пробиться были. Один человек остаётся здесь и задержит хищных тварей, штурмующих заднюю дверь. Иначе всем конец.

– Я останусь, Олег, – тихо сказал пенсионер, подпирая плечом шкаф, подпирающий дверь, – Пожил и повоевал хорошо. Ты молодой, семья у тебя. Давай иди, некогда препираться.

– Спасибо, Петрович. Когда услышишь сигнал, значит мы отъехали. Сразу лезь на чердак, там лестница в подсобке. Они тебя там не достанут, ты должен успеть. С богом!

Степанов подпёр место, которое он до этого удерживал, обломком доски и рванул вслед за Татьяной и остальными. Женщины выбежали на улицу, пробегая спасительные метры до открытой машины. Два ползуна попытались атаковать их сбоку, но Степанов разрядил в них последнюю обойму. Чудовищ это не убило, но замедлило. Все успели запрыгнуть в «уазик» и закрыться. Едва машина, просигналив, вылетела на дорогу, в сельсовете раздался мощный взрыв. Очевидно, ветеран взорвал газовый баллон, когда держать баррикаду уже не осталось сил. Заодно и прикончил нескольких ворвавшихся ползунов.

Степанов не оставлял надежды, что старику удалось забраться на чердак и выстрелить в проём по баллону, но шансов на это почти не было. Старый ветеран спас им жизнь, не щадя собственной.

Уазик, пробивая снежные наносы, покинул обезлюдившее село. Рядом с ревущей машиной, тут и там выкапывались ползуны, пытаясь вцепиться в колёса. Одного из них «буханка» даже переехала, чудом, при этом, не опрокинувшись. Но людям удалось, они вырвались из цепких объятий смерти.

На следующий день большая группа внутренних войск прибыла на бронетехнике в окрестности пустого села. Военные под командование людей в гражданской одежде выжгли всех ползунов и их гнёзда, обнаруженные на краю торфяных болот. Одну израненную тварь удалось захватить живьём возле догоревшего сельсовета с помощью специальных металлических сетей. С большой осторожностью военные погрузили обездвиженного монстра в специальный контейнер, закреплённый в кузове камуфлированного «Камаза».

Спасшимся селянам объяснили, что их атаковал ранее неизвестный науке реликтовый вид хищных кровососущих паразитов. Но почему они были такими огромными? Об этом военные умолчали.

Старшему лейтенанту Олегу Степанову было присвоено внеочередное звание «майор». Его перевели в специальную службу и отправили в столицу, подальше от этого села, согласно его просьбе. Всем пострадавшим и их семьям заплатили приличные суммы, вместе с настоятельной рекомендацией не распространять сведения о случившемся. Впрочем, люди и сами хотели как можно скорее забыть произошедший кошмар и помалкивали. А тело Истомина Александра Петровича так и не было найдено...

Хомяк

– Восемьсот рублей за хомяка? Дороговато! – возмутился Влад, тиская в руках обаятельного плюшевого хомяка. Серая шерстка, белое брюшко. Пластиковый чёрный нос и блестящие глазки. Торчащие в разные стороны милые крохотные ушки.

– Девятого за сегодня продаю! – радостно трещал продавец, улыбочивый молодой парень, – Берите, не думайте. Последний.

– Говорящий? – недоверчиво спросил Влад, покосившись ещё раз на цену.

– Повторяющий, – поправил его продавец, – Прикольная штука, дети тащатся просто.

– Включай, проверим.

Через несколько секунд оба взрослых человека расплылись в улыбке, слушая, как игрушка смешным тонким голоском повторяет сказанные ими слова. При этом хомяк забавно кивал головой и немножко передвигался на вибрирующей платформе.

– Племяннику в подарок, – зачем то уточнил Влад, увидев «4+» на коробке от игрушки. Продавец довольно закивал, почти как хомяк. На том и расстались.

Выйдя из торгового центра с хомяком и пакетом продуктов на неделю, Влад едва не столкнулся с полной женщиной. От неожиданности та выронила пакет с яблоками, и, прежде чем молодой человек успел извиниться, окатила его отборной бранью. Некоторых выражений Влад, бывший начальником склада, не слышал даже от своих грузчиков. А те толк в крепких словах знали. Он добрёл до машины и бросил продукты в багажник новенького «Форда», купленного в кредит. Влад сдувал с него пылинки и даже ласково Федей называл. Хомяка забрал с собой в салон автомобиля, включил и установил на панель.

– «Как же – племяннику», – подумал он и завёл двигатель.

У Влада никого не было. Родители жили далеко в деревне в соседней области. Жениться он пока не собирался, как и почти все его друзья. Двадцать восемь лет Влад считал возрастом для этого слишком ранним. Да и подходящих кандидатур не подворачивалось. Разве что Оля из центрального офиса, которой он и купил игрушку к Новому году. Девушка обожала мягкие игрушки и много раз показывала ему ролик из соцсети с повторяющим слова хомяком. При этом, жаловалась, что не может так нерационально потратить даже столь небольшую часть своей зарплаты. А по глазам было видно, что очень хочется ей этого хомяка в свою коллекцию. Очень хочется.

На выходные Ольга уехала к заболевшей тётке в соседний город. Значит, подарку ждать торжественного вручения до понедельника. Два дня.

Пятница. Вечереет. Полтора часа по пробкам даже в их небольшом, по сравнению с мегаполисами, городе. Но сегодня пробки не нервировали Влада. Он предусмотрительно купил пару комплектов запасных батареек и болтал с хомяком всю дорогу, сам радуясь, как ребенок. Хомяк неустанно повторял за ним звуки и даже имитировал рёв машины и радио.

Когда он подъехал к своему дому, то во дворе ещё оставались свободные места для парковки. Он остановил машину рядом с «Уазом» соседа по лестничной площадке. Влад недавно купил здесь квартиру, продав дом бабушки, и сосед Петрович помогал молодому парню с переездом и мелким ремонтом. Петрович был отличным электриком. В трёхкомнатной квартире Влада постоянно перегорали лампочки и переключатели. При этом вся электропроводка и приборы. Подключаемые к ней, были абсолютно исправны. Однажды Влад спросил Петровича, нельзя ли исправить так, чтоб всё работало постоянно. Сосед отрицательно и яростно замотал головой. Выдал что-то вроде «Сменить квартиру» и что «Наклеенные иконки на стенках не помогут». Молодой человек его не слушал. Он был несказанно рад, что приобрел за полцены жильё в самом центре города, перестав мыкаться по съёмным квартирам. Прошло полгода,

и слова соседа забылись. Хотя лампочки перегорать не переставали. Их оптовая ежемесячная закупка вошла в традицию новосёла.

Сосед с налобным фонариком на голове ковырялся под капотом старенького «Уаз». Ноябрьским вечером темнело стремительно. Влад похвалился игрушкой и, порадовавшись, что Петрович тоже посмеялся, поднялся к себе. Минут десять помечтав под горячим душем, Влад отправился на кухню готовить незамысловатый холостяцкий ужин. Ужином, конечно, это было назвать сложно. Лапша быстрого приготовления и покрошенная туда колбаса, а после – завершающая трапезу пол-литровая чашка кофе. Хомяк поставил перед собой на стол и занялся нехитрой кулинарией.

Неожиданно, Влад заметил, что игрушка повторяет не все его фразы. А некоторые слова он и вовсе не говорил, игнорируя. Порой речь хомяка переходила в неразборчивое клекотание. Влад решил, что подсели батарейки, и хотел поменять их. Но, похлопав себя по карманам джинсов, батареек не обнаружил. За другими спускаться к машине было лень.

Рабочий день сегодня выдался у Влада суматошным. Нервные офис-менеджеры, проверка Росэпиднадзора у него на складе и взволнованный генеральный директор, трезвонящий каждые полчаса по этому поводу. Скандал с грузчиками, загрузившими не те ящики с конфетами и не тому клиенту. В общем устал. Хомяк был этакой отдушиной, и Влад даже почувствовал к нему лёгкую привязанность. При мысли, что с забавной игрушкой в понедельник придётся расстаться, он почти расстроился. И тут же поругал себя мысленно. Взрослый дядя, а словно ребёнку хомяка жалко стало отдавать.

Горячий и вредный для организма, но сытный обед расположил парня ко сну. Влад с удовольствием растянулся на диване в спальне. Он не укрывался. Батареи давали такое тепло, что в квартире было душно даже с полуоткрытым балконом. Несмотря на усталость, спал Влад нервно и тяжело. Сквозь сон ему казалось, что он слышит мелкие, невесомые шаги. Словно кто-то бежит по его квартире, слегка шурша и временами цепляясь о стены. Домашних животных он не держал. Влад пытался как-то принести домой замызганную кошку, намереваясь её «одомашнить». Но та вела себя спокойно лишь до его этажа. Едва открылась дверь лифта на площадке Влада, кошка с рёвом вывернулась у парня из рук. Расцарапав руки доброжелателя в кровь, несчастное животное удрало с диким мяуканьем. Больше попыток завести питомцев не было. Поэтому и топотать в его комнатах было некому.

– «Ну, топчет и пусть топчет», – сквозь сон подумал Влад, чувствуя себя слишком усталым, чтобы делать хоть какие-то движения. Наконец, глубокий сон охватил его. Но покоя не принёс. Всегда крепко спавший Влад чувствовал движение в комнате, теперь и в той, где он был. Из коридора сквозь оранжевое узорчатое стекло межкомнатной двери пробивался тусклый свет. От детской привычки оставлять хоть одну зажжённую лампочку в доме Влад не избавился с самого детства.

Даже сквозь крепкий сон он почувствовал на себе тяжёлый, пронзительный взгляд. Влад хотел молодецки вскочить с дивана и крепким ударом приложить вора, как он предположил во сне. Но тело было ватным, скованным ужасом и не слушалось. Всё, что он смог, это приоткрыть глаза и увидеть...

Лучше бы не открывал. Над ним безмолвно стоял его хомяк! Но какого же он был размера, раз склонился над ним?! Красные угли широко расставленных глаз вперились ему в грудь, и Влад почувствовал, как его сердце замедляется и стынет холодом. От силуэта хомяка невидимой волной текла такая злоба и ненависть, что Влад вновь прикрыл глаза. Голову прострелила мысль, что неплохо бы прочесть какую-нибудь молитву, что-то сделать. Но ничего на ум не приходило.

Он не знал, сколько длился это кошмар. И как он не потерял рассудок, ощущая всем сознанием липкие нити, окутавшие спальню и его самого. Наверное, он был уже на грани, когда чудовищный хомяк вновь начал клекотать, наполняя пространство в этот раз вполне различными голосами. Они сначала тихо, потом громче и громче нашептывали что-то мерзкое, выворачивающее душу... Влад продолжал надеяться, что он всё-таки спит.

Трескучий звонок в дверь вырвал его из кошмарного плена. В комнате никого не было, когда он встал и дрожащей рукой включил свет. К низу позвоночника медленно стекали капли ледяного пота. Звонок вновь затрещал настойчиво, требовательно. Снова и снова. Он натянул джинсы и, даже не взглянув в глазок, открыл дверь.

– Владислав Александрович, ну что вы в час ночи устраиваете?! – на пороге стояла возмущённая молодая женщина и потрясала кулачком.

– Вы же мне своим кино или чем там детей перебудили! – продолжала возмущаться она.

– Извините, Валентина, – отчество он её не помнил. Голос Влада так и грозил сорваться, – извините. Кошмар приснился, видимо, это я кричал.

Женщина с любопытством посмотрела на него, уже не так гневно, почти удовлетворённая его извинениями. Человек он вроде приличный, да и бледный весь, руки дрожат, глаза навывкате. Правду, видимо, говорит. Все эти мысли легко было прочесть по её лицу.

– Вы уж не шумите больше. Успокоительное выпейте, – участливо посоветовала она Владу, – Хотите, я принесу?

– Нет, спасибо. Извините ещё раз, – сказал он и закрыл дверь.

– «Завтра суббота, выспаться бы нормально» – подумалось Владу. Да какой тут сон. Он зашел на кухню, включил свет и, замерев, уставился на плюшевого хомяка на столе. Стоит там же, где его оставили. Видимо, всё-таки кошмар. Плеснув из в стакан минеральной воды из бутылки, Влад выпил её большими глотками. Полегчало. Вновь бросив взгляд на стол, он вдруг со страхом сообразил, что именно не так. Хомяк стоял спинкой к нему. Влад точно помнил, что когда ужинал, поставил его мордой к себе. Сейчас же зверюга, милой игрушкой назвать он уже его не мог, стояла, повернувшись носом и глазами-бусинками в угол. Влад выругался. Хомяк повторил его слова наполовину и дальше снова забормотал что-то неразборчивое. Но почему же он молчал, когда Влад разговаривал с соседкой?

С хрустом над головой Влада лопнула лампочка, затем вторая. Из пяти лампочек в люстре осталось три целых. По стенам заматались неясные тени. Зло клекоча, игрушка медленно ползла, вибрируя и кивая, к краю стола. Каким-то внутренним чутьём Влад понял, что стоит хомяку доползти до края стола и упасть на пол, как он вновь станет огромным. Тогда точно конец. Но заставить себя схватить кошмарную игрушку и поставить на центр стола он не мог. До края оставалось сантиметров тридцать, и Влад принял единственно верное решение. Бежать. Схватив свитер и ключи от машины, он с грохотом захлопнул железную дверь. Замок автоматически закрылся. Ничего. Запасные ключи от квартиры лежат в машине.

Лифт, казалось, ехал целую вечность. Ещё медленнее открывались его створки, а изнутри квартиры в железную дверь заскреблись. Слегка успокоился и привёл мысли в порядок Влад только в машине. Она ему тоже показалась живой, только тёплой и поддерживающей. Не зря он её обожал. Но куда ехать? Мысли о полиции Влад отнёс сразу. Расскажи он им ситуацию, вмиг скрутят и в «дурку» отправят. К Нинке ночевать тоже не дело, не отстанет потом. Только отделался. Значит, к Лёхе. Без вариантов, лучший друг всё-таки. Как раз он жену на выходные в деревню отвез.

Через десять минут он уже звонил в домофон другу.

– Влад, ты что, до завтра дотерпеть не мог? Второй час ночи! – ответил ему сонный голос.

– Да открывай ты, блин! ЧП у меня! – завопил Влад.

– Пиво или кофе? – спросил его Лёха, машинально ставя чайник.

– Кофе и покрепче. Слушай, тут такая история, – и он пересказал события сегодняшней ночи, с содроганием вспоминая свои ощущения.

Сначала Влад думал, что улыбающийся друг посмеется над ним и порекомендует закусывать. Но потом заметил, что улыбка-то нервная.

– Что такое? – спросил он Лёху, с интересом рассматривающего его голову.

– Ты посидел сильно, в зеркало глянь!

Влад метнулся к зеркалу в ванной. Так и есть. Ещё вчера смолисто-чёрный ёжик его волос был теперь серебристо-серым. Он вернулся на кухню и уселся на стул.

– Надо что-то делать.

– Я тебе говорил, что квартира не очень, – наехал на него Лёха, – Хоть и во всякую хрень я не верю, но мне там не по себе. Куда, говоришь, хомяк твой смотрел, когда ты геройски слинял?

– В угол.

– А вот если б соседей послушал, знал бы. Там мужик-алкаш жил, семью свою молотком забил и горло потом перерезал себе. Подох в том углу на кухне. Сосед твой с нижнего этажа рассказывал, когда нам шкаф помогал тащить, – криво усмехнулся Лёха.

Влад даже всхлипнул от такой новости. Не совсем новости, такое он слыхивал, но мимо ушей пропускал. Думал, завидуют люди, что задёшево квартиру взял.

– Ага, – словно прочитал его мысли Лёха, – То-то до тебя четыре хозяина в этой квартире за десять лет поменялось.

– Выходит, не в хомяке дело? – спросил уже совсем запутавшийся Влад.

– Выходит, не совсем. Твоя игрушка воспроизводит все частоты, а остальное – это какая-то гадость, живущая дома, тебе на мозг давит.

– И что делать? Что мы, два взрослых мужика, сидеть будем?

– Выкинуть игрушку просто так толку нет... – задумался Лёха, – О! Есть идея!

От его возгласа Влад встрепенулся. Возвращаться сейчас в квартиру точно не хотелось.

– В общем, идея такая. Ты ночуешь у меня. Завтра сгоняешь, откроешь окно на кухне и вернёшься. А вечером, когда эта фигня опять бегать и вопить начнет, выкинем её из квартиры, если дело в игрушке. До того, как она станет такой здоровой, как ты говоришь. Думаю, в ней в этот момент всё нехорошее сконцентрируется.

– Идея так себе, – неуверенно сказал Влад, – Может, священника вызовем?

– Угу. Думаешь, до тебя так сделать не пытались, – Лёха засмеялся, – А так, как я предлагаю, вряд ли кто-то делал.

– Ладно, – согласился Влад, – Всё равно лучше идеи нет. Давай спать. Два часа уже.

– Давай. Я в батину комнату, а ты в моей поспишь. До завтра.

Весь следующий день друзья занимались своими делами. Влад даже заехал к знакомому доктору-невропатологу и, не вдаваясь в подробности, попросил оценить своё психическое состояние.

– Здоров ты, дружище. А вот стрессов тебе бы поменьше и сердечко загляни, проверь, – упитанный медработник Вася протёр запотевшие очки, – Ты когда на пиво-то заглянешь?

– На следующих выходных.

– Опять на следующих. Ну ладно, давай.

На квартиру к Владу ребята приехали часам к одиннадцати вечера. На двух машинах. Лёха приобрёл подержанную «Шкоду» и теперь практически не отходил от неё.

– Ну, пошли. Охотник за приведениями, – улыбнулся Лёха, заметив, что Влад начинает нервничать и теревить в руках связку ключей от квартиры.

– Пошли.

В квартире было тихо и спокойно. Плюшевая игрушка так же стояла на краю стола, замерев. Давно остывший красный чайник в белый горошек на плите. Идиллию видимого спокойствия нарушал только табурет, опрокинутый при прошлом ночном бегстве.

Прошел час, друзья рассматривали фотографии полураздетых девушек в ноутбуке, который Лёха прихватил с собой.

– Пойду покурю на балкон, – сказал Лёха и достал пачку сигарет.

– Не, не! Дуй на лестничную площадку, окно не забудь открыть и дыми туда! А то всё в квартиру тянет.

– Ладно.

Влад зажёл конфорку под чайником и открыл скрипучие полочки подвешенного шкафа в поисках шоколадного печенья. Он не курил уже несколько лет и пытался отучить друга от вредной привычки. Прошло пять минут. Требовательно засвистел чайник. Друг задерживался.

– Лёх! – крикнул Влад из приоткрытой двери в коридор. На лестничной площадке его должно быть отлично слышно. Тишина. На кухонном столе задребезжал стационарный телефон. Влад схватил трубку и услышал голос друга.

– Во сколько завтра мероприятие повторим? – судя по звуку, Лёха был за рулем автомобиля.

– Ты куда уехал?

– Да ты же сам вышел, когда я курил, и сказал, что на завтра переносится! Ты чего?

– Я никуда не выходил... – помертвевшим голосом пробормотал Влад, чувствуя, как за его спиной сгущается воздух.

– Хватит разыгры... – звонок оборвался.

Влад без сил опустился на табурет, не в силах поднять глаза от стола. Хомяк вновь был повернут мордой к нему. Теперь к пылающим глазам-уголькам добавился расплзшийся рваными краями чёрный рот, ухмыляющийся и дрожащий.

– Возьми! – грубым голосом скомандовал хомяк и закивал.

Рукой, подвластной чужой воле, Влад беспрекословно выполнил приказ. Он почувствовал полное безразличие. Друг уехал. Зло обмануло их. Теперь ему конец. Его слушались только глаза и, в какой-то мере, сознание. Но и это, видно, ненадолго. В голове настойчиво забила мысль об открытом окне... Тем временем, рука Влада медленно подносила хохочущего хомяка к лицу. Из рта у игрушки вывалился синий язычок. Раздвоенный, как у змеи, он затрепетал в воздухе.

– «Оля», – подумал хоть о чём-то светлом Влад и рука остановилась.

– «Оленька» – обрадовался он маленькой победе.

Его рука дрожала, на лбу выступила испарина. Но это было всё, чем он мог противостоять хомяку. Временная передышка. Через пару минут Влад ослабел, и синий язык вдвое увеличившегося в размерах ухмыляющегося плюшевого монстра едва не коснулся его щеки.

– Ну и пусть... – вяло подумал он, не в состоянии больше сопротивляться, – В окно, так в окно.

Вернувшийся Лёха мгновенно оценил ситуацию, увидев друга с беснующимся хомяком в руке. Пляшущие по голубым обоям причудливые тени потянулись к нему, но Лёха был быстрее. Вырвав с немалым усилием игрушку у Влада из рук, он вышвырнул хомяка в приоткрытое окно. В квартире мгновенно посвежело, тени заметались и исчезли. В последний раз одновременно перегорели несколько лампочек.

– Спасибо... – слабо произнес Влад, – Получилось.

- Угу! Иначе какой я бы был друг! Ладно, доставай пиво, отметим!
- Куплю Оле другую игрушку. Только не хомяка, – вымученно засмеялся Влад.

P.S. Выброшенный из окна двенадцатого этажа плюшевый хомяк застрял в голых ветвях верхушки тополя. Ещё долгие месяцы провожал он прохожих злобным взглядом пластмассовых чёрных глазок, пока весной его не расклевали и не растащили на гнезда вороны. Им было нипочём...

Последний автобус

Зима в этом году выдалась на редкость снежной. Мой дед, отправивший меня праздновать Новый год к своей сестре Марии в Орловскую область, так и заявил:

– Я за свои семьдесят восемь столько снега не помню!

Дед уже в пятый раз пытался отправить меня на Новый год в захолустную деревню к бабке, но я всякий раз умудрялся находить удачные оправдания и уверенно обещал обязательно встретить праздник с ней в следующий раз. Дед Егор иногда звал меня к себе в гости в крохотную квартиру на окраине города, попить чая с мятой и поболтать. Сегодня хитрый старик пригласил меня помочь передвинуть диван, ему захотелось смены обстановки.

Когда я с трудом проехал через усыпанный снегом город, забитый предновогодними пробками после очередного обильного снегопада, и постучался к деду в квартиру, меня ждал сюрприз. Заплаканная бабуля глядела на опешившего внука, то есть на меня, с экрана старенького компьютера. Так вот зачем дед попросил в прошлый мой визит установить скайп, прикрутить веб-камеру к монитору и быстренько обучить старика пользоваться всем этим добром. Надо сказать, дед схватывал новую информацию удивительно быстро для своего возраста.

– Серёженька, внучек, приезжай ради бога ко мне на новогодние праздники, – бабуля жалостливо всхлипнула и вытерла уголок глаза клетчатым платком. Вид плачущей седой старушки был душераздирающе трогательным.

– Хорошо, ба, поеду на автобусе и к ночи буду у тебя. Не хочу за рулем по такой погоде четыреста километров мотать, – отступить мне было некуда. Бабуля просияла, улыбнулась и отключила связь, добившись своего пожелания.

– Ну, вот и молодец, иди, собирайся и захвати шкатулку для Марии. Передашь, её бездельники, забыла старая в прошлый раз, когда гостила у меня на майские праздники, – дед положил свою тяжёлую руку мне на плечо. Я довольно крепкий и рослый тридцатилетний парень, но дед у меня настоящий богатырь. Ему, даром, что под восемь десятков набежало, а силы в преклонном возрасте не занимать. Дед и сейчас выглядел грозно, превосходя меня ростом и габаритами. Лысый, высокий старик с добродушно-приветливым лицом. Ни разу я не видел его разозленным, даже рассерженным. Даже когда я был маленьким и бесстыже шкодил, он не спешил меня наказывать и родителям не позволял.

Попрощавшись с дедом, я понуро поплёлся к машине, прихватив пакет со шкатулкой и длинный список того, что нужно обязательно купить в поездку. Новогодние праздники были безнадежно испорчены. Весёлая пирушка у друзей и приятная женская компания неотвратимо отменялись. Все поводы для отказа уже были использованы в прошлые годы, к тому же я пообещал приехать. Мысленно ругая деда, бабулю и одновременно жалея себя несчастного, я завёл свои старенькие жигули и поехал в сторону торгового центра. Закупив нужное количество всяческого добра по списку, я оставил автомобиль в подземном паркинге и отправился к автовокзалу, волоча тяжелые пакеты. Хорошо, что идти было недалеко. Пробираясь по засыпанному снегом тротуару, я успел пожаловаться своим приятелям в соцсети на досадную отмену моего участия в новогоднем праздновании.

По реакции моих друзей, я понял, что не особо-то они и расстроились моему грядущему отсутствию. Разозлился вдобавок и на них.

Через полчаса я уже сидел в автобусе дальнего следования и ждал отправления, бездумно уставившись в окно, разрисованное ледяным узором. Из-за большого количества пассажиров

мне удалось взять билет только на дополнительный рейс. Это был красно-белый, обшарпанный «Икарус» с грязными, протёртыми до дыр креслами. Я удивился, поскольку был уверен, что парк городского автовокзала включал десятки новых, комфортабельных «Неопланов». Наверное, мой рейс был проходящим, из другого города, или вообще чьей-то частной подработкой. Впрочем, выбирать в любом случае не приходилось. Я прижался к стеклу лбом, чтобы почувствовать ледяной холод. Предстояло семь часов скучной езды наедине со своими мыслями. Электронную книгу читать не хотелось, играть на телефоне тоже желания не возникало. Место рядом со мной пустовало, да и весь пассажирский салон был заполнен едва на треть. Автобус всё стоял у здания автовокзала, хотя по времени отправления мы уже должны были отправиться минут десять назад.

Наконец, контролёр, полная женщина в синей куртке с неровно пришитой круглой эмблемой, с трудом протискиваясь между рядов сидений, проверила у пассажиров билеты, и автобус мягко покатился, слегка покачиваясь на укатанных снежных уплотнениях. Когда мы выехали за город, я протёр ладонью кружок на замерзшем стекле и стал разглядывать однообразный пейзаж. Вдоль дороги тянулись бесконечные тёмные ряды утонувших в сугробах лесополос. Примерно через час это увлекательное занятие мне наскучило, и я, с трудом откинув скрипучую спинку сидения, задремал.

Я проснулся от того, что автобус не двигался, и было адски холодно. Прислушался. Двигатель «Икаруса» не работал и, соответственно, салон не отапливался. Огляделся вокруг. Пассажиров стало значительно меньше. На весь автобус человек пятнадцать. Остальные, видимо, вышли на предыдущих остановках. Обоих водителей в автобусе не было, их рассерженные голоса доносились позади автобуса. Я уловил несколько фраз о поломке в двигателе.

Несколько мужчин вышли давать полезные советы матерящимся водителям, которые громко обсуждали, что какому-то Василию необходимо оторвать руки и прочие конечности.

– Видимо, механику автостанции, – сделал я логичный вывод. Уткнул нос в воротник куртки и достал телефон. Вспомнил, что если не успею доехать к семи вечера, то не попаду на рейсовый автобус до бабулиной деревни, и придётся километров шесть идти пешком в потёмках. Подобная перспектива меня отнюдь не радовала. В такой мороз и ветер, а я судил о погоде по покрасневшим лицам пассажиров, вышедших покурить, можно было запросто заболеть.

– Мужики, надолго мы тут? – бодро поинтересовался я у водителей, покинув через пятнадцать минут выставший салон автобуса.

Один из них даже не поднял головы от неработающего двигателя. Второй пробурчал неутешительную информацию, что за нами вышел резервный автобус, но когда он прибудет, не знает даже то слово, которое, как правило, пишут на заборах.

– Слышишь, парень, там недалеко отсюда есть остановка. Можно поймать попутку или проходящий автобус. Всё быстрее будет, – добавил водитель.

По поводу последнего я было сомневался, но пока мы общались с водителями, мимо проехали две машины, подняв за собой клубы снежной пыли.

Решившись действовать, я потребовал выдать из багажного отделения мои пакеты, рюкзак с кучей лекарств и бабулиной шкатулкой, и как изрядно навьюченный осёл побрёл к остановке, видневшейся за изворотом дороги метрах в трёхстах от сломанного автобуса. Надо упомянуть, что наш транспорт остановился в открытом поле, там где порывы зимнего колючего ветра особенно яростно хватают за лицо и будто-бы хотят отщипнуть кусочек от мёрзнувших щёк. По обеим сторонам дороги – белые бесконечные поля с кое-где не поддавшимися снежному покрову выбившимися кустиками высокой почерневшей травы.

Когда я добрался до кирпичной автобусной остановки, уже стемнело окончательно. На остановке я был совершенно один. За городом темнота наступает быстрее. Здесь нет привычных фонарей и освещения из окон многоквартирных домов, витрин магазинов и постоянно снующих машин. Бросив поклажу на заледеневшую лавку, я принялся тормозить проезжавшие машины. С десятков авто проигнорировали меня, не сбавляя скорости. А водитель праворульной тойоты даже показал в мою сторону нецензурный жест.

– Чтоб ты сдох, гад! – ответил я ему тем же немногословным жестом и в ту же минуту увидел приближающийся автобус. Допотопный «Лаз», тускло блестящий круглыми фарами, с надрывом урча двигателем, появился из сгустившейся темноты и остановился, проскользив по дороге около метра. Таблички с маршрутом на лобовом стекле не было, но меня это мало интересовало. Мороз прохватил моё тело так, что все мысли были только о тепле.

– До Мценска возьмёте? – спросил я, запрыгнув на подножку, как только допотопная дверь-гармошка сложилась, впустив меня в спасительное тепло.

Худой водитель с крючковатым носом кивнул и жестом показал, чтобы я проходил дальше по салону и не отвлекал его. Над проходом горели три лампочки, практически ничего не освещающие, потому следовало идти осторожно, чтобы ненароком не наступить на сумки, стоявшие там и сям между рядами сидений, которые пассажиры из экономии или лени не сдали в багаж. Мне почудился какой-то сладковатый запах. Сразу же возникли мысли о еде.

– Перекушу в городе, оттуда возьму такси и к бабуле доберусь. На рейс всё равно опоздал, – сказал я сам себе, переступая через очередную сумку.

Кажется, по пути я довольно сильно задел рюкзаком чьё-то плечо, торчащее в проходе. Возмущенного возгласа не последовало, но я на всякий случай извинился. Мне ничего не ответили. Единственное свободное место было почти в самом конце салона.

– Здесь свободно? – поинтересовался я у женщины, сидящей на предпоследнем сиденье у окна, показывая на место рядом с ней. Она не ответила, её голова бессильно свешивалась на грудь и на каждой кочке подсакивала.

Я решил, что женщина устала и спит. Будить её не было смысла. Мой рюкзак отлично поместился на верхнюю полку, пакеты остались в проходе, а я уместился на тёплое сиденье рядом с сонной старушкой. Её возраст я определил, когда глянул на лицо в профиль с теперешнего ракурса. Измождённое, покрытое буграми и морщинами обычное старушечье лицо.

– Когда-то и я постарею, – почему-то подумалось мне.

Как же хорошо было в тёплом автобусе. Мягкий и убаюкивающий гул двигателя совсем меня не раздражал. Когда я окончательно отогрелся, меня начало снова клонить в сон. Можно было теперь вздремнуть, почему бы нет. Но тут старушка подняла голову и задала мне вопрос, от которого я похолодел. И вовсе не от мороза. Иглы страха пробежали по моему телу и вонзились прямо в глубину мозга.

– Как вы умерли, молодой человек? – спросила она.

Её голос можно было назвать дребезжащим, глухим и режущим слух одновременно. Но самым метким было бы определение «могильный».

– Что? В смысле, умер? – дрожащим голосом переспросил я, озираясь на пассажиров вокруг. Они были абсолютно неподвижны и безмолвно сидели в почти полной темноте. Лишь изредка их лица освещались фарами редких встречных машин. И эти лица были мертвы – они смотрели вперёд остекленевшими глазами, мерно покачиваясь в такт дорожным неровностям.

Нереальность того, что я видел, начала охватывать всё мое существо. Я укусил себя за палец, однако боль убедила меня, что это не кошмарный сон. Зияющая дыра в черепе круп-

ного мужчины в истлевшем пуховике, сидевшего в соседнем ряду, дополнила шокирующее впечатление.

По полу прохода прокатилось нечто круглое, похожее на голову, отскакивая от стоящих там сумок, словно бильярдный шар. Я не различал четких форм странного предмета, но непонятным образом ощущал очертания.

– Я не умер... Я... к бабушке еду, – всё, что смогла выдавить моя скованная страхом глотка. Хотелось вскочить и убежать, но я не мог даже пошевелиться, хотя физически меня никто не держал.

– Этот автобус везёт тех, кого не нашли и не похоронили как должно. Но ты... ты напомнил мне кое-что... Такое уже здесь случалось... – сухой, шелестящий голос теперь казался встревоженным, – Как же давно это было.

– Что было? – с надрывом спросил я. А в голове тем временем металась мысль: «Я точно сплю и всё это – просто кошмарный сон. Автобусов с ненайденными покойниками не бывает. Но если я сплю, то должен проснуться, так почему же не получается-то ни черта?»

– Архон, водитель, иногда ошибается. Он очень стар. Изредка, случайно, подбирает живых... А может, он делает это нарочно. Может, за ту вечность, что он за рулём, ему наскучило общество немых мертвецов. Когда—то я села в этот автобус, как и ты, по его ошибке. Тогда и я была молодой. Но уже и не вспомню, сколько прошло времени. Оно здесь идёт не так, как снаружи. Время в пути колеблется – то быстрее, то медленней, – старушка снова уронила голову на грудь и смолкла. Но спустя мгновение встрепенулась, с усилием подняв седую голову.

– Ты должен попытаться выйти, – сказала она слабым голосом.

– Как мне отсюда выйти? Водитель остановит, если я попрошу? – теперь я понял, откуда был сладковатый, тлетворный запах.

– Нет. Архон не отпустит. Но есть один шанс. Когда на следующей остановке войдёт Контролёр, скажешь ему, что ты жив и по ошибке попал сюда. Архон подчинится Контролёру.

В подтверждение её слов жуткий автобус внезапно остановился, впустив высокого человека в плаще и шляпе с широкими полями, надвинутой на лоб так, что лица совсем не было видно. Он кивком поздоровался с водителем и медленно направился ко мне.

– Только не смотри ему в лицо. Живой не должен видеть! – в стонущем голосе старухи мне почудились нотки страха и какого-то тайного сожаления. Почему-то теперь я боялся всего, что было вокруг меня, но только не единственного моего союзника в этом пропитанном смертью транспорте.

– Почему вы помогаете мне и говорите со мной, а остальные молчат? Здесь больше нет живых? – спросил я, не в силах отвести глаз от приближающегося человека.

– Я сама... я была жива и могла уйти, но посмотрела на него, и сейчас во мне почти нет жизни. Живой не должен... – её голос оборвался, поскольку Контролёр уже стоял совсем рядом с нами.

– Ну?! – визгливым неприятным голосом спросил он, ожидая моего ответа, – Взгляни на меня и расскажи о том, как ты умер.

Во мне извивался клубок мыслей о невозможности происходящего, о сознательном и бессознательном, об устройстве мироздания и ещё бог знает о чём. Но в конце концов победила одна мысль – если это всего лишь сон, почему бы мне не отыграть в нём свою роль?

– Я живой, – медленно ответил я, не поднимая глаз и глядя только в спинку сиденья передо мной, – Выпустите меня.

Он недовольно крикнул, порылся в карманах плаща, затем развернулся и направился в сторону водителя. До меня донёсся визг Контролёра и оправдывающийся, каркающий голос шофёра.

Автобус снова остановился и задняя дверь со скрежетом распахнулась. Ею явно нечасто пользовались, так тяжело она открывалась. Вне себя от радости я схватил рюкзак и выпрыгнул из автобуса навстречу спасительному морозу и жизни.

В последний раз промелькнув передо мной надписью «Метан» и забитыми снегом красными габаритными фонарями, кошмарный автобус, везущий мертвецов, скрылся в темноте и первых порывах начинающейся метели. Оглядевшись, я сообразил, что стою на той же остановке, откуда меня подобрали совсем недавно.

Автобуса уже и след простыл, и я всё более убеждал себя, что то были видения, нарисованные воображением моего замёрзшего организма, который, видимо, на какое-то время отключился от реальности.

К счастью, через пару минут к остановке подъехала роскошная «тойота», ослепив меня фарами, и молодая девушка, опустив стекло, приятным голосом спросила, не нужно ли меня подвезти.

– Спасибо большое. Очень нужно, – осипшим от переживаний, а может от мороза, голосом сказал я, – Бабушка заждалась меня, наверное...

– Ваша бабушка? Интересно. Никогда не слышала о таких долгожителях в наших краях.

– Что вы имеете в виду? – спросил я и вдруг увидел свою протянутую к ручке дверцы дряблую руку с синеватыми прожилками и уловил в стекле отражение собственного старческого лица. Девушка засмеялась, а я безвольно опустил взгляд, не в силах отвести его от моих сморщенных кистей.

Весь оставшийся путь я молчал, сделав вид, что сплю. Но я не спал. В отчаянной попытке разобраться в произошедшем, было странным, что я смог вообще сохранить рассудок.

В Мценске, девушка высадила меня у придорожного кафе, и уехала так быстро, что не услышала слов благодарности. В смятении, я забрел в кафе со сверкающим гирляндами на витражных окнах. Отметил оставленные мной мокрые следы на идеально вымытом полу, и рухнул за ближайший столик. В кафе никого не было, кроме меня и бармена за стойкой, сосредоточенного на протирании поблёскивающих стаканов.

– Эй, подойдите, пожалуйста. Мне тяжело ходить, – хрипло позвал я бармена и расстегнул рюкзак, собираясь достать кошелёк. Мне нестерпимо захотелось выпить чего-нибудь покрепче. Я почувствовал, как противно заныло сердце в моем неожиданно постаревшем организме, отдаваясь тянущей болью в грудной клетке. Только этого не хватало.

– Одну минуточку, подождите, – лениво отозвался работник.

Копошась слабеющими руками в поисках кошелька в распахнутом рюкзаке, я наткнулся на бабкину шкатулку. Достал её и повертел в руках. Шкатулку из розового дерева, инкрустированную перламутром, баба Маша очень ценила и постоянно прятала от назойливого внука, который почти все вещи использовал в качестве игрушек. Странно, что она забыла бесценную реликвию у брата в городе и почти полгода не вспоминала про неё.

Когда я вертел в морщинистых руках антикварную штуковину и размышлял, как быть дальше, от шкатулки к ладони скользнула жёлтая искорка. За ней ещё одна, и ещё. В полумраке кафе я отчетливо видел искры и завороченно наблюдал за странным действием. Очень скоро искорки перестали проскакивать, но в тонкую щель из-под резной крышки пробился нежный желтый свет. Я оторопел, увидев, как старческая кожа на моих кистях растягивается, становится свежей и молодой. Радостное волнение полностью охватило меня, когда я понял, что происходит. Недолго думая, я распахнул бабкину шкатулку. Крохотное жёлтое облачко,

высвободившееся из недр антиквариата, скользнуло мне на живот... и впиталось в моё тело. Тут же я ощутил, как нечто горячее поднимается внутри меня: от живота к груди и выше. Жар охватил меня полностью, но последствия были прекрасными. Моё тело вновь полностью изменилось, прогоняя старость из своих клеток. Не веря своему счастью, я ощупал своё лицо, затем достал телефон и сделал селфи. Получилось отличное фото тридцатилетнего мужчины.

– Заказывать что-то будете? – спросил подошедший бармен, с подозрением поглядывая на меня. Наверное, в тот момент на моём лице застыла идиотская счастливая улыбка.

– Виски, самого дорогого и салат из морепродуктов, – заявил я, наслаждаясь знакомым звучанием собственного голоса.

Бармен ушел, а я спрятал шкатулку обратно в рюкзак и удобнее расположился на стуле в ожидании заказа. Сегодня мне определённо повезло. Однако, я точно знаю, что едуший где-то в темноте кошмарный автобус, набитый мертвецами, мне никогда не удастся забыть...

Бой на болоте

Василий пристально наблюдал из кустов, густо растущих на возвышении, как из подлеска по узкой дороге, петляющей между топкими болотами, ползла немецкая колонна «айнзацгруппы». Карательный отряд фашистов всего два часа назад уничтожил деревню Василия вместе со всеми жителями. Операцию немцы проводили в ответ на недавний разгром комендатуры три дня тому назад. Отчаянно защищая деревню, в неравном бою, погиб и весь небольшой партизанский отряд, не ожидавший нападения в таком глухом месте, куда и в мирное-то время чужим было не добраться без проводника. Идти же напрямую по трясине, не зная надёжных тропок – верная гибель. Даже на той дороге, по которой ехали немцы, техника периодически застревала.

– «Значит, предали!» – подумал Василий, зло скрипнув зубами и сильнее сжав в руках неразлучную трехлинейку. Ему едва исполнилось семнадцать, но парень был таким отличным стрелком и столь резвым и сообразительным, что командир отряда, Микулич, уже через неделю определил его в разведку. После разгрома не осталось ни командира, ни деревенских ребят, а из отряда выжил и прибежал к двум возвращающимся из города разведчикам только окруженец-санитар Потапов Ефим. Он же и рассказал о зверствах фашистов и полицейских такое, что Василий и второй разведчик-подрывник, Михась, решили любой ценой перехватить потрепанную в бою айнзацкоманду и отомстить убийцам.

Вот уже час трое партизан ждали появления карателей в узком месте, где ни свернуть с дороги, ни развернуться широким фронтом. Михась заложил две мины на дороге метрах в сорока от места засады, одну противотанковую и одну противопехотную. Закопанные мины, две трехлинейки, немецкий автомат с тремя запасными обоймами, да пара гранат-лимонок – это было всё их оружие. Немецкий отряд, с грохотом катящийся по дороге, составляли два бронетранспортёра на полугусеничном ходу, три грузовика с солдатами и три мотоцикла с пулемётами МГ на люльках. Около пятидесяти человек по прикидкам Михася. Василий подумал, что это всё, но из леса выкатился ещё и танк, замыкая колонну и грозно покачивая коротким стволом в сторону залёгших партизан. С таким раскладом сил, шансов выжить и удачно отступить не было вовсе. Но разведчики и не думали об отступлении. Каждый из них потерял близких в деревне и горел желанием мести. Василий осторожно выглянул из куста на Потапова, отрывшего себе на пригорке небольшой окоп метрах в десяти от позиции разведчиков и следившего за карателями в прицел винтовки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.